

СТАЛИНГРАДСКАЯ
БИТВА

Жизнь и смерть на Восточном фронте

ВИГАНД ВЮСТЕР

**В АДУ
СТАЛИНГРАДА**

МОСКВА

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12
В41

Виганд, Вюстер.

В41 В аду Сталинграда / Виганд Вюстер ; [перевод с немецкого А. Б. Кияйкина]. — Москва : Яуза-пресс, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-9955-1272-1

«Будь проклят Сталинград!» (Verflucht seist du, Stalingrad!) — после катастрофы на Волге, где был развеян миф о «непобедимости» Третьего рейха, не было в вермахте худшего ругательства и более страшного проклятия. Здесь, в огненной преисподней Сталинграда, сгорела гитлеровская мечта о мировом господстве и «жизненном пространстве» на Востоке. Здесь был остановлен германский «Дранг нах Остен».

Обер-лейтенант Виганд Вюстер (1920–2017) летом 1942 года оказался на самом остром стремительного наступления на Сталинград. Однако втянувшись в затяжные уличные бои, армия Паулюса намертво завязла в лабиринтах сталинградских развалин, расплачиваясь кровью за каждый дом, за каждый шаг продвижения вперед. Но даже этот кровавый кошмар был лишь преддверием ада — настоящая преисподняя разверзлась после контрудара советских войск и окружения 6-й армии. То, что творилось в сталинградском «котле», вообще не поддается описанию — в феврале 1943 года, когда Вюстер вместе с остатками немецкой группировки сдался в плен, никто бы не узнал в этом изможденном, обмороженном, дряхлом старике молодого блестящего офицера, каким он был совсем недавно...

Обо всем этом — о беспощадной схватке в волжских степях и Сталинграде, о неслыханных потерях и невиданном разгроме, сломавшем хребет вермахту, — Вюстер рассказал в своей книге, признанной одним из самых страшных свидетельств о Второй мировой войне.

УДК 94(47+57)"1942/43"
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-9955-1272-1

© Кияйкин А.Б., пер. с нем., 2026
© ООО «Яуза-пресс», 2026

Глава 1

ОТ ХАРЬКОВА ДО ДОНА

Чем дальше наш поезд шел на восток, тем более спиной к нам поворачивалась весна. В Киеве было дождливо и прохладно. Мы встретили множество итальянских военных транспортов. Итальянцы, с перьями на шляпах, не производили хорошего впечатления. Они замерзали. В Харькове кое-где даже лежал снег.

Вюстер пишет: «Площадь Дзержинского обставлена большими многоэтажными административными зданиями, смесь крестьянского стиля и небоскребов». Четкий стиль застройки Харькова стал его главным символом, и любой немецкий солдат с фотоаппаратом не мог удержаться, чтобы не сделать пару снимков. Справа – комплекс зданий Госпрома, слева – политехнический институт

В юстер: «Массивный памятник Шевченко сделан из бронзы и обставлен революционными солдатами в героических позах. Хоть что-то отличное от бесконечных статуй Ленина и Сталина, хотя в Харькове и их хватает». Монумент и окружающий его парк имени Т. Г. Шевченко (1814–1861), революционного демократа и яростного борца с царизмом и рабством, существует и сегодня

Сады Шевченко — старейшая зеленая зона в центре города, прошедшего перепланировку в 1804 г. Центральная часть сада — прекрасная каштановая аллея, ведущая от памятника Шевченко к зданию университета. Сад занимает 25 гектаров, и в нем растет более 15 000 деревьев, включая гигантские 200-летние дубы. В кадре идут по своим делам харьковчане, несмотря на немецкую оккупацию города

Начало мая 1942 г. Вюстер: «Несколько дней я учился на курсах борьбы с танками, что было довольно полезно, поскольку позволило снизить танкобоязнь, по крайней мере относительно. Мы ложились в окоп и давали танку проехать над нами, и учились бросать подрывные заряды, противотанковые мины и связки гранат на моторное отделение танка. Заднюю броню можно было сжечь термитным патроном, уничтожая двигатель. Реалистичные взрывы на захваченных танках выглядели здорово. Несмотря на всю подготовку, я чувствовал себя беспомощным и незащищенным, глядя на оружие и смотровые щели танка. Все

изменилось, когда нас взяли внутрь танка, проехать по месту «атаки». Теперь чувство неполноценности относилось к экипажу танка. Ничего не видно и не слышно. Если они даже заметят окоп, будет уже слишком поздно. Может быть, они заметят бегущую фигуру и звук удара противотанковой мины о корпус за башней. Поздно! Действие дымовых шашек и гранат на танк было удивительным. Не просто экипаж ничего не видел, но горение забирало у него кислород. Приходится сразу выскакивать, чтобы не задохнуться. Однажды во время отработки это почти привело к несчастью. Кое-как водителя удалось вытащить со своего места

Вюстер: «На главной станции и соседнем современном здании почты видны следы боя». Полугусеничные бронетранспортеры 23-й танковой дивизии едут мимо главной почты Харькова. Дивизия прибыла из Франции в конце марта — начале апреля, и ее части использовались в разных пехотных дивизиях к востоку от города

Танки 23-й ТД возвращаются с учебы. Участников курса — включая обер-лейтенанта Вюстера, снимавшего этот кадр — везут обратно в части на моторных отделениях танков

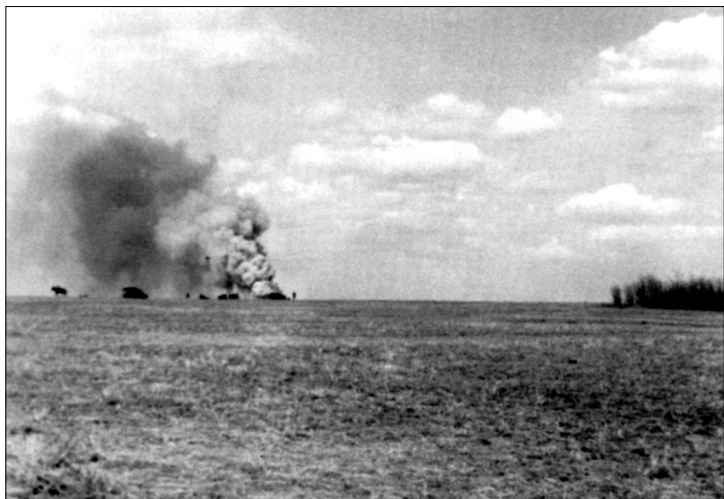
Обер-лейтенант Вюстер в своем «жалком жилище» на ферме севернее Харькова, начало мая 1942 г. Его произвели в обер-лейтенанты 16 марта 1942 г., приказ вступил в силу с 1 апреля. Он награжден значком за атаку в августе 1940 г. и Железным крестом первого класса в июле 1941 г. Несмотря на участие в Польской, Французской и Русской 1941 г. кампаниях, Вюстер ни разу не был серьезно ранен. Несколько легких ранений позволяли рассчитывать на знак за ранение, но он считал, что принять его за такие царапины означало искушать судьбу

Одна из четырех 15-см гаубиц 10-й батареи — минус ствол — ждет своего часа вступить в дело. Ей недолго ждать. Тяжелые орудия часто разбирали для долгих маршей, чтобы снизить нагрузку на лошадей. Ствол ехал в отдельной повозке

12 мая 1942 г. началось советское наступление под Харьковом, создав несколько глубоких прорывов. Один из них был в секторе 294-й пехотной дивизии. Несколько частей недавно прибывшей 71-й ПД, включая батарею Вюстера, срочно развернули в секторе. На снимке: лошадиные упряжки 10-й батареи следуют вдоль железной дороги севернее Харькова

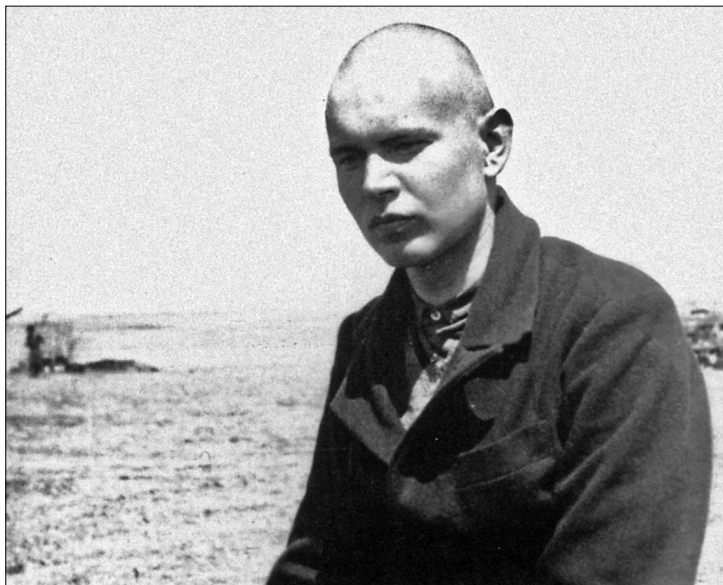

При движении на закрытие советского прорыва батарея Вюстера была поймана на марше: «Батарея уже понесла потери при движении на первую огневую позицию, когда русские бомбы упали посреди колонны». Жестокое приветствие новичку на Восточном фронте. Несколько лошадей, как эта слева, превратились в неразличимую массу

Расположившись на обратном склоне и кое-как замаскировавшись, артиллеристы 10-й батареи сидят и ждут приказа. Некоторые уже обрили головы, другие бреют. Старший офицер на батарее Вюстер тоже побрил голову. Иногда это делалось для борьбы со вшами, но вряд ли у Вюстера и его людей дело было в этом: пари, заключенное во время пьянки, заставило проигравших лишиться волос!

Нас выгрузили на пригородной станции под названием *Novaya Bavaria* или что-то вроде этого. Когда мы двинулись через город на своих откормленных конях и с экипировкой, начищенной по довоенным стандартам, чтобы занять место расквартирования в колхозе на северной окраине города, раздалось несколько криков со стороны солдат, что бежали по улицам, некоторые выглядели довольно оборванно. «Не выставляйтесь, дальше вы не разжиреете. С нами вы быстро станете потише!» Те, кто слушал, слышали зависть к нашим пайкам, или что еще это было.

Город был заброшенным и серым. Наши квартиры в колхозе были невзрачными. Бельгия и Франция вспоминались как потерянный рай. Тем не менее в городе оставались развлечения, такие как солдатские кинотеатры и театр. Главные улицы, как и везде в России, были широкими, прямыми и внушительными — но довольно запущенными.

Как ни странно, харьковские театральные постановки были совсем не плохи. Украинский ансамбль (или те, кто здесь остался) давали «Лебединое озеро» и «Цыганского барона». Оркестр появился в шерстяных пальто с меховой оторочкой, с шапками, сдвинутыми на затылок или надвинутыми на нос. Только дирижер, видимый из зала, был одет в поношенный фрак. Время не пощадило и костюмы, и декорации. Но, используя множество импровизаций, постановка прошла весьма неплохо. Люди старались и были талантливы. В Советском Союзе культуре придавался смысл и значение.

Наша дивизия еще не полностью прибыла в Харьков, когда русские прорвали немецкие позиции севернее города. Пехотному полку, нашему тяжелому батальону и легкому артиллерийскому батальону (211-й пехотный полк оберста Карла Барнбека, I батальон 171-го артиллерийского полка майора Герхарда Вагнера и IV батальон того же полка оберст-лейтенанта Гельмута Бальтазара) пришлось сыграть пожарную команду. Батарея уже понесла потери, двигаясь на первую огневую пози-

цию, когда русские бомбы легли в колонну. Немецкое господство в воздухе уменьшилось, хотя и оставалось. Беспокоящий огонь русской артиллерии ложился у нашей батареи, но, кажется, противник не засек ее, хотя мы неоднократно стреляли со своей позиции. Я стоял за батареей, выкрикивая указания орудиям, когда на третьем орудии раздался страшный взрыв. Сгоряча я подумал, что мы получили прямое попадание. Мимо меня пролетел большой темный предмет. Его я опознал как пневматический компенсатор, сорванный с гаубицы. Все побежали к разрушенной артиллерийской позиции. Номера первый и второй лежали на лафете. Остальные казались целыми. Орудие выглядело плохо. Ствол перед самым казенником раздуло и порвало на полосы. При этом передняя часть ствола не разошлась. Два пружинных накатника по обе стороны ствола были сбиты и развалились на части. Люлька была погнута. Ясно было видно, что пневматический компенсатор,

15-см гаубица 4-го батальона готова к стрельбе. Позиция замаскирована, но, к счастью для артиллеристов, Люфтваффе поддерживает господство в воздухе, ощутимый плюс в условиях совершенно ровной местности

расположенный над стволом, был сорван. Произошел разрыв ствола, первый в моем опыте. Я видел пушки с разрывом ствола, но там они рвались с дульного среза. Вообще, разрывы ствола случались редко.

Два артиллериста на лафете зашевелились. Давление взрыва покрыло их лица точками лопнувших мелких кровеносных сосудов. Их тяжело контузило, они ничего не слышали и плохо видели, но во всем остальном остались целы. Все выглядело страшнее, чем оказалось. Это подтвердил и врач. С его приходом их состояние начало улучшаться. Их, конечно, ударило и оглушило, так что их отправили на пару дней в госпиталь. Вернувшись, они не хотели возвращаться к пушкам. Их все понимали. Но, какое-то время потаскав снаряды, они предпочли снова стать артиллеристами. Долгое время шли споры о причине разрыва. Кто-то даже пытался винить тех, кто обслуживал орудие, потому что ствол положено осматривать после каждого выстрела

Во время одной из стрельб команду ветеранов 3-го оружия едва не постиг печальный конец

Вид на повреждения с места наводчика. Отметим, что замок закрыт. «Таблица команд» слева дает градацию углов возвышения, поправки на ветер и пороховой заряд в зависимости от расстояния до цели и порядка выстрелов (скорость снарядов после первого последовательно росла — стабилизируясь на шестом или седьмом). Вюстер вспоминает, что это был первый ствол орудия

Пружины откатника лопнули, пневматический компенсатор вырван

Фрагменты, собранные после разрыва ствола. Расчет еще потрясен близостью смерти. Вюстер рисковал, снимая это: фотографировать разрыв ствола было запрещено

на предмет посторонних предметов, оставшихся в нем. Да, правило визуальной проверки существовало, но было пустой теорией, потому что не позволяло высокого темпа огня и никто о нем не вспоминал во время боевых действий — хватало других забот. Также ни разу не случилось, чтобы такое могли сделать остатки порохового картуза или сорванный снарядный пояс. Скорее всего, дело было в снарядах. Из-за дефицита меди снаряды делались с поясками из мягкого железа. В некоторых партиях снарядов появились проблемы, и уже время от времени происходил разрыв ствола, как бы не в моем батальоне. Теперь перед стрельбой проверялась маркировка на всех снарядах на случай появления снарядов из тех несчастливых партий. Такие появлялись то и дело — их специально маркировали и отправляли обратно. Всего через несколько дней батарея получила новенькое орудие. Харьков и его склады снабжения находились еще очень близко.